

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

А.А. Сурма (Минск)

XXI век характеризуется ускоренным процессом глобализации, ведущим к стиранию национальных границ. Выбор странами, где данный процесс наиболее выражен, эффективной модели интеграции иммигрантов, чья культура отличается от принимающей, является средством предотвращения рисков социальных конфликтов между коренным населением и переселенцами. В этом отношении важным, на наш взгляд, представляется изучение опыта реализации политики мультикультурализма в государствах-членах ЕС.

1990-е г. в истории интеграционной политики в отношении иммигрантов в государствах-членах Европейского союза прошли под знаком политики мультикультурализма. Однако начало XXI в. характеризовалось изменением отношения к данной политике в западноевропейских государствах вследствие нарастания угрозы исламского терроризма: теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а также в марте 2004 г. в Мадриде и июле 2005 г. в Лондоне [9, р. 1]. Негативная риторика практически во всех сегментах политического спектра (особенно со стороны правых сил) в отношении мультикультурализма захлестнула Великобританию, Нидерланды, Швецию, Данию. Критика в отношении данной модели интеграции иммигрантов в принимающее общество присутствовала также в Австрии, Бельгии, Италии, Франции [2, р. 218–222].

В начале 2010-х гг. правящие круги ведущих стран ЕС (Великобритания, Франция, Германия) всерьез начали обсуждение возможности пересмотра – по существу, отхода – от политики мультикультурализма. В феврале 2010 г. это сделала канцлер ФРГ А. Меркель, а 5 февраля 2011 г. отказаться от политики мультикультурализма призвал премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон. Аналогичным образом 12 февраля 2011 г. высказался и президент Франции Н. Саркози [1, с. 247–249].

Можно согласиться с мнением британского исследователя Криса Аллена, который считает, что риторика о кризисе мультикультурализма в Европе была во многом лишь маскировкой для нападок на мусульман и исламскую религию. Истинной причиной отрицательного отношения европейцев к мусульманам и исламу Аллен считает исламофобию [2, р. 222, 226]. С данной точки зрения кризис мультикультурализма в государствах-членах ЕС – это конфликт взаимодействия между западноевропейским обществом и проживающими в нем мусульманскими общинами.

¹ В данной публикации, помимо стран, входящих в ЕС, мы рассматриваем Норвегию и Швейцарию.

Начавшийся после террористических атак, совершенных представителями отдельных экстремистских исламских группировок, кризис осложнил возможность признания права миллионов работающих в западноевропейских государствах мусульман вести отличный от европейского образ жизни и мультикультурные гражданские права [9, p. 3–4].

Кризис мультикультурализма в Европе оказал влияние на активизацию антииммиграционных и антимусульманских партий. Например, в Нидерландах праворадикальная политическая Партия свободы (*Partijvoor de Vrijheid*) выступала против иммигрантов из мусульманских стран [8, p. 54]. В Швеции кампанию против политики мультикультурализма проводила националистическая Партия шведских демократов (*Sverigedemokraterna*) [2, p. 220].

О положительном отношении общественности к политической риторике представленных партий в Нидерландах и Швеции свидетельствовал их успех на национальных парламентских выборах 2010 г.: Партия свободы заняла третье место, набрав 15,5% голосов (5 место и 5,9% в 2006 г.); Шведские демократы, набрав 5,7% голосов, смогли впервые войти в парламент [4]. Подобный рост популярности антииммиграционных и антимусульманских партий наблюдался и в других государствах-членах ЕС, особенно в небольших [5, p. 69].

Новой моделью интеграции иммигрантов в первом десятилетии XXI в., которая была призвана заменить «умирающий» мультикультурализм, стала политика *гражданской интеграции*. В обобщенном варианте гражданская интеграция предполагает более полную интеграцию иммигрантов в экономическую, социальную и политическую жизнь принимающего общества на основе соблюдения нескольких ключевых принципов: 1) включение иммигрантов в трудовую деятельность принимающего общества; 2) уважение основных либерально-демократических ценностей (свобода, демократия, права человека, равенство, включая гендерное равенство и верховенство закона); 3) базовые знания языка, истории, законов и институтов принимающего общества; 4) действие антидискриминационных законов [3, p. 11].

Об усилении политики гражданской интеграции в западноевропейских государствах свидетельствовали данные статистического индекса (CIVIX)¹. Согласно шкале CIVIX, политические мероприятия, характерные для политики гражданской интеграции в практике 15 государств-членов ЕС в 1997 г. практически отсутствовали, но к 2009 г. данная модель интеграции иммигрантов в принимающее общество в этих странах стала более распространена [3, p. 11].

Несмотря на вышесказанное, мы полностью поддерживаем позицию канадских исследователей К. Бантинга и У. Кимлики, которые полагают, что отход от мультикультурализма в пользу политики гражданской интеграции

¹CIVIX – это специальный статистический индекс, который позволяет определить степень применения политики гражданской интеграции в государстве.

в практике государств Западной Европы не был господствующей тенденцией и осуществлялся скорее на уровне политических дебатов, нежели практической деятельности [3, р. 4]. Свои выводы они делают на основе определения индекса мультикультурной политики (*Multicultural Policy Index*) в 21 стране ОЭСР¹ (Организация экономического сотрудничества и развития) в различные периоды времени: с 1970 по 1980 гг.; с 1990 по 2000 гг.; с 2000 по 2010 гг. [3, р. 4, 6]. Нас интересует период с 2000 по 2010 гг.

Индекс мультикультурализма определяется на основании восьми специальных показателей. [10, р. 4]. Каждый показатель может иметь три качественных и количественных значения: «присутствует полностью» (1 балл), «присутствует частично» (0,5 балла), «отсутствует» (0 баллов). Сумма баллов всех показателей показывает насколько совокупность общественных норм, законов и деятельности правительства соответствует мультикультурной политике. Сумма в 8 баллов показывает, что в государстве в полной мере применяется мультикультурная политика; 6 баллов и выше свидетельствует о стабильной форме мультикультурализма; от 3 до 5,5 баллов свидетельствует об ограниченной мультикультурной политике в государстве; общий показатель ниже 3 баллов свидетельствует о слабопредставленном мультикультурализме в политике государства [6, р. 74; 7, р. 49]

Итак, согласно данным исследования², в 2000–2010 гг. стабильная форма мультикультурализма наблюдалась в таких странах, как Финляндия (6 баллов) и Швеция (7 баллов); в Бельгии (5,5 балла), Ирландии (4 балла), Испании (3,5 балла), Норвегии (3,5 балла), Португалии (3,5 балла) и Великобритании (5,5 баллов) имела место ограниченная форма мультикультурализма; в остальных странах (Австрия, Германия, Греция, Дания, Италия, Нидерланды, Франция, Швейцария) политика мультикультурализма была представлена слабо, но индекс этих государств (кроме Дании) был не равен нулю, что говорит о том, что различные элементы, характерные для мультикультурализма, присутствовали в политике этих стран. Более того, практически во всех рассматриваемых нами государствах (кроме Дании, Италии, Нидерландов, Франции, Швейцария) наблюдался устойчивый рост индекса мультикультурализма в 2010 г. [3, р. 24; 10, р. 3]. Таким образом, утверждение К. Бантинга и У. Кимлики о том, что на практике в политике большинства западноевропейских стран не было отхода от мультикультурализма, следует считать верным.

Важно отметить, что К. Бантинг и У. Кимлика не видели в сохранении использования политики мультикультурализма никакого противоречия с применением западноевропейскими государствами политики

¹ В данной работе мы показываем индекс только 14 западноевропейских государств-членов ЕС, а также Норвегию и Швейцарию, и опускаем данные индекса мультикультурализма для государств не из западноевропейского региона (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США, Япония).

² Некоторые оценки индекса мультикультурализма, определенные К. Бантингом и У. Кимликом в своём исследовании были исправлены в соответствии с более поздним повторным исследованием, данные из которого еще более упрочили выводы канадских экспертов.

гражданской интеграции, так как, по мнению ученых, эти две модели интеграции иммигрантов вполне совместимы и при определенных условиях не исключают, а дополняют друг друга. Основным условием их успешного сочетания является либеральный и добровольный подход при реализации политики гражданской интеграции [3, p. 4]. Мы полностью разделяем мнение канадских ученых.

Таким образом, проблема реализации политики мультикультурализма в государствах-членах ЕС была во многом обусловлена ухудшением отношения политических кругов и общественности в странах Сообщества к мусульманам и исламу, вследствие произошедших в начале XXI в. терактов, совершенных отдельными исламскими экстремистскими группировками. При этом следует отметить, что на практическом уровне в государствах-членах ЕС отхода от политики мультикультурализма в исследуемый нами период не наблюдалось. Кризис мультикультурализма и призывы отказаться от него присутствовали лишь на уровне политического и общественного дискурса большинства вышеназванных стран.

Источники и литература:

1. Громько, Ал.А. Мусульманская диаспора: сложность интеграции / Ал.А. Громько, Г.С. Остапенко // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под общ. ред. Ал.А. Громько, Е.В. Ананьевой. – М. : Весь Мир, 2014. – С. 221–260.
2. Allen, C. Islamophobia and the Crises of Europe's Multiculturalism / C. Allen // New multicultural identities in Europe: religion and ethnicity in secular societies: Current issues in Islam / Eds. E. Toguslu, J. Leman, İ.M. Sezgin. – Leuven, 2014. – P. 213–228 p.
3. Banting, K. Is there really a backlash against multiculturalism policies? New evidence from the multiculturalism policy index / K. Banting, W. Kymlicka. – Stockholm : SULCIS, 2012 – 28 p.
4. European Election Database [Electronic resource]. – Mode of access: http://eed.nsd.uib.no/webview/index.jsp?study=http%3A%2F%2F129.177.90.166%3A80%2Fobj%2FStudy%2FNLPA2010_Display&mode=cube&v=2&cube=http%3A%2F%2F129.177.90.166%3A80%2Fobj%2Fcube%2FNLPA2010_Display_C1&top=yes. – Date of access: 03.11.2019.
5. Jupp, J. Shifting dilemmas. Multiculturalism and integration policies in Europe / J. Jupp // Migration and integration in Europe, Southeast Asia, and Australia: a comparative perspective / Eds. J. Pietsch, M. Clark. – Amsterdam, 2015. – P. 57–74.
6. Kymlicka, W. Multicultural odysseys: navigating the new international politics of diversity / W. Kymlicka. – New York, 2007. – 374 p.
7. Mathieu, F. The failure of state multiculturalism in the UK? An analysis of the UK's multicultural policy for 2000–2015 / F. Mathieu // Ethnicities. – 2017. – Vol. 18, iss. 1. – P. 43–69.
8. Pietsch, J. Public opinion towards new migration flows in Europe and the increasing role of the EU / J. Pietsch // Migration and integration in Europe, Southeast Asia, and Australia: a comparative perspective / Eds. J. Pietsch, M. Clark. – Amsterdam, 2015. – P. 45–56.
9. Triandafyllidou, A. European challenge to multicultural citizenship / A. Triandafyllidou, T. Modood, R. Zapata-Barrero // Multiculturalism, Muslims and Citizenship. A European Approach / Eds. T. Modood, A. Triandafyllidou, R. Zapata-Barrero. – London, 2006. – P. 1–22 p.
10. Tolley, E. Multiculturalism Policy Index: Immigrant Minority Policies. Revised edition / E. Tolley; ed.: M. Vonk. – 2nd ed. – Kingston, 2016. – 145 p.